

PAULINA BORTNOWSKA

Язык как орудие дегуманизации в языковом пространстве вооруженного конфликта в Украине

Language as a weapon of dehumanization in the linguistic space of the armed conflict in Ukraine

Abstract. The armed conflict in Ukraine, continuing in its culminating form since 24.02.2022, exists in two dimensions – on the battlefield and in the information space. In this second dimension, the main role is played by language, used as a potent weapon, one of the prominent functions of which is that of dehumanization. By violating the norms of constructive public communication, the creators of this discourse – journalists, opinion leaders, activists, politicians – activate the destructive potential of language. The dehumanizing discourse of the armed conflict in Ukraine, however, has not yet received a vigorous linguistic elaboration. The aim of this article is to raise this complex and important issue. By giving various examples of acts of linguistic dehumanization observed in the widely understood linguistic space of the armed conflict in Ukraine, the author identifies the main directions of dehumanization discourse within the Russian-Ukrainian linguo-cultural space. The author's provided examples of dehumanizing statements facilitate the identification of both explicit and subtle dehumanization techniques prevalent within this discourse. At the same time, public figures are actively involved in the retransmission of dehumanizing content, which significantly affects the dynamics of this discourse and increases the range of its potential active and passive participants.

Keywords: hate speech, dehumanization, infrahumanization, discourse, linguo-cultural space

Paulina Bortnowska, Adam Mickiewicz University, Poznań – Poland, paulina.bortnowska@amu.edu.pl, <https://orcid.org/0000-0002-7780-4483>

Дегуманизация: постановка вопроса

Конфликт между Россией и Украиной встряхнул весь мир и вызвал огромный резонанс в международном сообществе, убежденном в том, что в наши дни вооруженные столкновения между европейскими государствами практически невозможны. Военной агрессии немедленно сопутствовало вербальное насилие, проявляющееся, в частности, в активизации языка вражды. Согласно данным Программы развития ООН, язык вражды, до на-

стоящего времени лишенный четкого правового определения, следует рассматривать в контексте проявлений ненавистнической риторики, охватывающей

любого рода коммуникацию в устной, письменной или поведенческой форме, которая носит враждебный характер или использует уничижительные или дискриминационные формулировки в отношении какого-либо лица или группы лиц по признаку того, кто они есть, или, иными словами, по признаку их религии, этнического происхождения, национальности, расы, цвета кожи, социального происхождения, пола и других факторов идентичности (Ismanov et al. 8).

Сложность изучения особенностей языка вражды заключается, однако, не только в отсутствии однозначного определения понятия, но и в получении доступа к репрезентативному языковому материалу. Как справедливо отмечает Гасан Гусейнов, для качественной разработки данного вопроса необходимо получение корпуса текстов, „не только содержащих высказывания ненависти, но и имеющих общую мишень” (Gusejnov 116). Это стало возможным в связи с продолжающейся полномасштабной войной РФ на территории Украины. Сражения ведутся не только на поле боя, но и в информационном пространстве как санкционированных изданий, так и ничем не ограничиваемых социальных сетей. На определенных интернет-ресурсах почти каждый день с 24.02.2022 года¹ появляются различные тексты, в которых нарушаются все нормы конструктивной общественной коммуникации. Они содержат уничижительную, оскорбительную и насмешливую лексику, дискриминирующие стереотипы, а иногда даже прямое подстрекательство к насилию. Одним из воплощений языка вражды является дегуманизационный дискурс, сформировавшийся в языковом пространстве, охватывающем данный вооруженный конфликт.

Дегуманизация – это явление, которое широко обсуждается в психологических, социологических, культурологических и антропологических исследованиях. Адам Вэйтс, американский психолог, исследователь языка вражды и риторики ненависти, подчеркивает, что наука стоит перед „дегуманизационным поворотом” (подробнее см.: Waytz 3–28).

Психологические теории дегуманизации сосредоточиваются на ее двух основных аспектах. Они описывают этот феномен либо в функциональном плане, анализируя стимулы, побуждающие индивидов к применению радикальных форм насилия, либо же рассматривают дегуманизацию с перспек-

¹ Дегуманизационный дискурс – вокруг российско-украинского конфликта – имеет более продолжительную историю (о чем см. ниже), однако дата вторжения армии РФ на территорию Украины приобретает особое значение в контексте активизации и эскалации военного противостояния.

тивы механизмов группового восприятия, проявляющегося повсеместно как на когнитивном и эмоциональном уровнях, так и в межгрупповых отношениях и социальном устройстве (Ścigaj 94). Польский политолог Павел Сьцигай отмечает, что исследование вопроса дегуманизации особенно важно в контексте долгосрочных и неразрешаемых конфликтов. По мнению ученого, выявление оснований или неозвученных мотиваций для военного насилия, направляемого против т. н. врагов, позволяет более подробно проследить все элементы дегуманизационного процесса. С другой стороны, стратегии дегуманизации используются и в отношении собственных солдат, для того чтобы оправдать их действия и, таким образом, снять с них ответственность за совершаемые акты насилия и убийства. К тому же в контексте военного времени дегуманизация рассматривается как стимул для размышлений о современном поле боя, охватывающих, к примеру, вопросы влияния технологий и фармакологии на решения и ответственность солдат (Ścigaj 91).

При рассмотрении категории дегуманизации особое внимание уделяется ее конкретным проявлениям, в частности, актам дискриминации и уничтожительного поведения по отношению к дегуманизированной группе или лицам, а также обоснованию и легитимизации такого поведения. Тем не менее обсуждаемый феномен также охватывает возникновение и деятельность различных структур и институтов, создающих нечеловеческие условия для жизни подвергаемых дегуманизации групп (Ścigaj 96). Все эти проявления дегуманизирующей деятельности вызывают общественный резонанс и широко описываются в средствах массовой информации. Они привлекают внимание, поскольку обладают конкретной физической, материальной оболочкой. Как правило, акты дегуманизации приводят к появлению пострадавших, личность которых нередко устанавливается, сопровождаются оформлением определенных документов, содержащих информацию о масштабах и формах применяемых дегуманизирующих действий, а также об адресах зданий, где происходят акты расчеловечивающего насилия. Однако подобные документы, институты, выражающие и закрепляющие системное массовое пренебрежительное отношение к членам конкретных групп, возникают как результат ранее зародившихся тенденций. Для того чтобы общество одобрило или, по крайней мере, не сопротивлялось дегуманизирующим мероприятиям, должны произойти некоторые когнитивно-эмоциональные процессы, в результате которых представители определенного социального, культурного или этнического коллектива станут восприниматься как менее человеческие. Стимулом для этих процессов в общественном пространстве являются, прежде всего, специфические дискурсы, оперирующие набором терминов и понятий, свидетельствующих о полном или частичном несоответствии представителей данной группы критериям человечности (Ścigaj 96).

В таких дискурсах используются различного рода языковые средства, самыми распространенными из которых являются метафоры: анималистические, механистические, монструозные, демонические, санитарные, медицинские и другие (Ścigaj 96).

В групповых отношениях в целом (именно с их отражением сталкиваемся в языковом пространстве вооруженного конфликта) на уровне социального восприятия происходит гомогенизация группы, подчинение ее членов единому обязывающему образцу. При этом гомогенизация усиливается при сопоставлении с представителями чужой группы, в результате чего они предстают в образе безликой массы, единого множества, в котором самостоятельные и независимые, чувствующие и думающие индивиды отсутствуют (Citlak 2015: 17). По утверждению представителей социальной психологии, при стремлении делегитимизировать какую-либо группу ведущую роль играют не процессы когнитивной категоризации, а тенденции к эссенциальному пониманию социальных категорий. В рамках дегуманизационного дискурса восприятие социальных групп происходит в измерении определенной *эссенции* (Citlak 2015: 21). Самой существенной характеристикой эссенции социальной категории является то, что она представляет собой постоянно присутствующий и неменяющийся элемент. *Эссенция*, если она присваивается представителям категории, позволяет определить ряд дополнительных характеристик при одновременном исключении других, которые потенциально могли бы возникнуть благодаря ее наличию. Такой *эссенцией*, по словам исследователей дегуманизации, может быть категория человечности (Citlak 2015: 21). Филипп Лейенс с соавторами замечает, что именно данная категория находится в тесной связи с категорией *мы*, являясь ее эссенциальным элементом, причем данная связь не обнаруживается, если вместо категории *мы* привлечь категорию *они* (Leyens et al. 398). Тем самым члены одной группы, в пределах которой формируется дегуманизирующий дискурс, начинают разделять общее внутреннее убеждение по отношению к представителям другой: „Только *мы* [носители *эссенции* – П.Б.] являемся полноценными людьми” (Citlak 2015: 21)².

Нетрудно предположить, что эссенциальная категоризация влечет за собой серьезные последствия для сосуществования взаимоисключающих групп. Вольфганг Вагнер, Петер Хольц и Йошихиса Кашима отмечают, что эссенция является критериальной характеристикой, определяющей принадлежность к данной категории. Группа как субъект социальных отношений либо полностью обладает эссенцией, либо не обладает ей вообще. Следовательно, она или полностью принадлежит к данной эссенциальной катего-

² Здесь и далее перевод наш – П.Б.

рии, или же остается за ее пределами (Wagner, Holtz, Kashima 367). С таким восприятием членов социальных групп связано и положение о гомогенности эссенциальной категории – ее представители обладают одной и той же эссенцией, в силу чего они должны рассматриваться одинаково, а возможные различия между отдельными индивидами сводятся до минимума (Wagner, Holtz, Kashima 367). В результате, как пишет Амадеуш Цитляк, „поведение «представителей» категории может быть объяснено путем обращения к скрытой глубокой эссенции независимо от индивидуального разнообразия в социальной группе” (Citlak 2015: 22). Это, в свою очередь, напрямую ведет к убеждению, что данная категория не только помогает объяснить те поступки членов коллектива, которые уже были совершены, но и позволяет предсказывать их будущее поведение. В действие приходит т. н. индуктивный потенциал эссенции (*inductive potential of essence*) – даже если у представителей группы в данный момент не обнаруживаются характерные признаки, напрямую вытекающие из ее наличия, ожидается, что в свое время они неизбежно начнут их проявлять (Wagner, Holtz, Kashima 367). Тем самым члены подвергнувшегося дегуманизации коллектива больше не рассматриваются как индивиды, обладающие внутренней интеллектуальной и эмоциональной жизнью (Bandura 109). Напротив, они кажутся примитивными животными. Вместе с тем среди общества распространяется мнение о необходимости введения относительно представителей данной группы особого контроля, без которого они могут проявить свою варварскую, опасную сущность (Citlak 2015: 23).

Цели и методы анализа языкового материала

Целью данной статьи является выявление специфики дегуманизационного дискурса в лингвокультурном пространстве российско-украинского вооруженного конфликта. Для достижения поставленной цели будут установлены наиболее выразительные черты данного дискурса с учетом особенностей лингвокультурного пространства, в рамках которого он реализуется, и которое обуславливает основные векторы его развития. С одной стороны, лингвокультурное пространство вооруженного конфликта в Украине охватывает представителей двух разных национальных групп со сложившимися уникальными лингвокультурными концептосферами, системами ценностных ориентиров, наборами неповторимых этноспецифических черт. С другой стороны, эти группы по большей части функционируют или пересекаются в рамках одного языкового измерения (к примеру, бранная лексика русского и украинского языков принадлежит к общему языковому фонду)

и совместного, чтобы не сказать единого, информационного, медийного пространства. Опыт украинского двуязычия тоже остается значимым, так как члены обеих групп очень быстро и четко понимают нюансы направленного против них русского языкового насилия, к чему следует отнести дегуманизирующие высказывания.

При этом основное внимание мы уделим статьям, размещенным на сайтах официальных изданий, ибо такие тексты являются результатом осмысленной работы профессиональных журналистов и редакторов. Примеры, используемые нами в качестве иллюстративного материала, представляют собой преимущественно высказывания, авторами которых являются публичные личности или организации. Данный критерий способствует более достоверному анализу качественных показателей дискурса, поскольку те же слова и фразы, произносимые или публикуемые безымянным пользователем и публичной личностью, достигают совершенно иного эффекта. В первом случае они показывают настроения и тенденции, преобладающие среди анонимных и, одновременно, активных интернет-пользователей. Во втором случае дегуманизирующие высказывания в определенной степени легитимизируются за счет авторитета и значимости публичных лиц. Подобные высказывания (хотя и появляются произвольно, нерегулярно, неупорядоченно) создают в функциональном, а также семантико-аксиологическом плане единое целое, отражая определенную модель мира, в которой выделяются конкретные ценностные ориентиры и убеждения. Благодаря способности вызывать большой резонанс (одно шокирующее высказывание публичной личности транслируется одновременно многими СМИ) они существенно влияют на потенциальные направления развития исследуемого дискурса, предопределяя тенденции, которые затем могут получить более высокий уровень воспроизводимости в виде высказываний анонимных пользователей. Именно поэтому на начальной стадии разработки вопроса о дегуманизационном дискурсе в рамках вооруженного конфликта в Украине считаем наиболее целесообразным изучение данного типа текстов.

Теоретической базой анализа послужил перечень языковых приемов дегуманизации, представленный в статье Цитляка (Citlak 2018), а также предложенная Кьярой Вольпато концепция эксплицитной и тонкой дегуманизации (*deumanizzazione esplicita* и *deumanizzazione sottile*) (Volpato 317–319). Материал для исследования был подготовлен путем систематического сбора текстов из русскоязычных СМИ, включая российские и украинские издания, в период с марта 2022 года по сентябрь 2023 года. Он состоит из более чем 30 статей, в которых дегуманизирующие высказывания приводятся вместе с именами и фамилиями их авторов. В ходе исследования собранного материала использовались элементы компонентного, аксиологического и лек-

сико-семантического анализа. Примененные методы позволили выявить основные качественные и аксио-семантические характеристики (рассмотрены ниже), определяющие дегуманизационный дискурс вооруженного конфликта в Украине. В качестве наглядных примеров приводятся те высказывания, которые, по нашим наблюдениям, в момент появления вызвали наиболее широкий резонанс и ретранслировались в более чем трех изданиях СМИ.

1. Приемы эксплицитной дегуманизации

С первых моментов российского вторжения в Украину одним из плацдармов развертывания конфликта было объявлено именно пространство СМИ и социальных сетей. Реальная физическая агрессия способствовала зарождению вербальной агрессии, в силу чего просторы Интернета стали мгновенно заполняться бесчисленным количеством высказываний, составляемых с использованием стратегий эксплицитной дегуманизации. Их основная цель – дискредитировать образ врага за счет явного и намеренного употребления языковых средств, однозначно интерпретируемых участниками дискурса как оскорбительные и уничижительные. Ниже обсудим те из приемов эксплицитной дегуманизации, которые были выявлены в собранном нами материале.

1.1. Дегуманизация через воспроизводимые ярлыки

Семантически насыщенные ярлыки, негативно характеризующие представителей противоположной стороны конфликта, как правило, принимают форму личных существительных, способных в конденсированной форме воплощать целые семантические сети (Citlak 2018: 9). Со временем такие ярлыки часто получают статус слов-ключей, организующих психическое пространство участников дискурса. Словами-ключами, ретранслируемыми в медийном пространстве войны в Украине, являются такие слова-обозначения, употребляемые российской стороной по отношению к украинцам, как *бандеры*, *укропы*, *укрофашисты*, *хохлы*, *киевский режим*, *киевская хунта*. О популярности и распространенности подобного рода номинаций может свидетельствовать хотя бы то, что две из них были использованы в песне русского артиста Семена Слепакова:

Есть у нас страшнее враг, моя кровиночка,
Этот враг, сыночек, – укронацист!
От него, проклятого, все наши невзгоды.
Если бы не он, могли бы жить – не тужить,

Очень жаль, Ванюша, что тебе лишь три года,
И не можешь ты пойти укропов крошить
(*VR na artista Semena Slepakova*, электронный ресурс).

Со стороны украинских участников дискурса по отношению к россиянам употребляются преимущественно определения *рашисты*, *орки*, *свинособачки*. Наталья Гуменюк, спикер украинских Сил обороны юга Украины, в одном из своих комментариев сказала:

[...] особенности линии фронта в нашей зоне ответственности в том, что она пролегает по реке Днепр. При этом ее русло несколько деформировано в результате катастрофы, которую создали рашисты, подорвав Каховскую дамбу (*U Antonovskogo mosta pod Hersonom*, электронный ресурс).

Важно, что в формировании дегуманизационного дискурса и активном распространении дегуманизирующих ярлыков принимают участие также одни из самых авторитетных и важных политиков обеих сторон. В качестве примера можно привести комментарий бывшего президента Украины Петра Порошенко, произнесенный им 13.04.2023 в видеозаписи, посвященной передаче на фронт мобильных мастерских. Отмечая, что в интернет-пространстве не хватает материала для мемов, Петро Порошенко взял в руки кувалду и пообещал, что таким оборудованием будет оснащена каждая передвижная мастерская, а затем добавил: „Вітання ворогам, вітання оркам, чекайте”³ (*Ėks-prezident Porošenko opublikoval*, электронный ресурс).

1.2. Культурно значимые ценностные категории в сфере сексуального и пищевого поведения

По справедливому замечанию Цитляка, дегуманизационный дискурс прежде всего оперирует ценностными категориями; он лишен нейтрального подхода и попыток объективного описания людей и освещения событий. Намереваясь создать новую социальную реальность, его авторы стремятся вызвать сильные негативные эмоции по отношению к *чужим*. Они достигают нужного эффекта, фокусируя внимание на элементах, порождающих страх, агрессию, отвращение, гнев или фрустрацию. Цель вписывающихся в эту модель высказываний – предупредить об угрозе и правильно настроить аудиторию (Citlak 2018: 10). В языковом пространстве данного вооруженного конфликта довольно сильно эксплуатируются мотивы, связанные с культурной спецификой пищевого и сексуального поведения. К ним отно-

³ „Привет врагам, привет оркам, ждите”.

сятся, представляемые однозначно в антиценностном ключе, каннибализм и гомосексуализм, продуктивность которых обусловлена тем, что обе сферы занимают особое место в культурном пространстве конфликтующих сторон.

Мотив каннибализма отличается высоким уровнем воспроизводимости. В СМИ регулярно появляются обвинения одной стороной по отношению к другой в поедании человеческого мяса. Например, 31.08.2022 в газете „Аргументы и факты” вышла статья, посвященная рассмотрению дела полка *Азов*, в которой приводились слова председателя Общественной наблюдательной комиссии Москвы Георгия Волкова о том, что члены полка совершали акты каннибализма: „В *Азове* практиковалось людоедство. Это рассказал в показаниях один из пленных боевиков” (Sidorčik, электронный ресурс). Сам же автор статьи усиливает эмоциональный характер своего высказывания с помощью развернутого вступления, в котором использует прием перечисления вызывающих отрицательные оценки и эмоции нравственных мотивов:

О том, что в признанном в России террористической организацией „Азове” исповедовали язычество, известно давно. Но во время рассмотрения дела „Азова” в Верховном суде РФ председатель Общественной наблюдательной комиссии Москвы Георгий Волков заявил, что нацисты практиковали уже не имитацию людоедства, а самый настоящий каннибализм (Sidorčik, электронный ресурс).

В данном высказывании немаловажную роль играют слова и выражения, стимулирующие и усиливающие максимально негативное отношение к предполагаемому поведению и, следовательно, к его исполнителям: *террористическая организация, язычество, нацисты, людоедство, самый настоящий каннибализм*.

Мотив каннибализма, как отмечает городской антрополог Дарья Радченко, обыгрывается также в фольклорном ключе. В репертуаре дегуманизирующих приемов дискурса вокруг войны в Украине хорошо закрепились метафорические названия убитых представителей противоположной стороны (Radčenko 209). Многие из этих номинаций по своей внутренней форме относятся к событиям, географически связанным с Донбассом: *запеченный сепаратист, жареный колорад, укроп в сметане, укроп по-донбасски*. В данную схему вписывается и иронически-шутливое именование напитков или продуктов питания. В сентябре 2023 года портал Медуза написал об одном из киевских баров, который в своем меню дал другое название популярному коктейлю *Белый русский*, заменив его первый компонент словом *мертвый*: „Бар также переименовал в своем меню коктейль «Белый русский». Теперь он называется «Мертвый русский», а вся выручка от его продаж идет ВСУ” (*Ukrainskie bary stali*, электронный ресурс).

Что касается сферы сексуального поведения, то здесь наблюдается зеркальное применение слов-ключей, нацеленных на унижение и дискредитацию противника. Обеими сторонами используются одни и те же слова: *пидары*, *пидосы*. Они особенно часто встречаются в массово пополняющих пространство соцсетей устных и письменных высказываниях солдат. Комментарии, посты и видеозаписи, насыщенные вышеупомянутыми единицами бранной лексики, как правило, представляют собой спонтанные реакции на происходящие события, в силу чего их возникновение в данной сфере общения обосновывается эмоциональным состоянием говорящих. Однако они транслируются и возобновляются в соцсетях в дискурсе блогеров и каналов, основным направлением деятельности которых является аналитика событий на фронте. Тем самым пользователи интернета, желающие получить информацию об актуальной ситуации в зоне боевых действий, одновременно подвергаются воздействию ненормативной гомофобической лексики. Следовательно, они неосознанно становятся реципиентами дегуманизирующего дискурса. Важно отметить, что гомофобические высказывания наблюдаются регулярно среди солдат обеих сторон.

1.3. Дегуманизация через цифризацию

„Расчеловечивание”, которому подвергаются в реальности участники вооруженного конфликта, легитимизируется и нормализуется за счет высказываний авторитетных, значимых лиц: политиков, экспертов, лидеров общественного мнения. Зигмунт Бауман подчеркивает, что в языковом измерении процесс дегуманизации начинается уже в тот момент, когда люди представляются с помощью языка цифр, количественных показателей (Bauman 150–151). Понятие цифризации (анг. *digitization*) обозначает именно процесс, в результате которого любая информация переводится в цифровую форму (Brennen, Kreiss, электронный ресурс). В контексте языкового пространства войны нельзя не упомянуть дегуманизирующие приемы, которые применяются с самого начала любого вооруженного конфликта по отношению к людям, связавшим свою профессиональную жизнь с армией. Наглядным примером цифровой дегуманизации солдат могут послужить сводки генштабов. Вот фрагмент доклада генштаба РФ за 12.09.2023:

На Купянском направлении ударами авиации, огнем артиллерии „Западной” группировки войск поражена живая сила и техника 68-й егерской бригады, 14-й и 32-й механизированных бригад ВСУ в районах населенных пунктов Новоегоровка, Синьковка и Загорушковка Харьковской области.

За сутки на данном направлении уничтожено до 25 украинских военнослужащих, три автомобиля, две артиллерийские системы М777 производства США, гаубицы: TRF1 производ-

ства Франции и Д-20, самоходная артиллерийская установка „Гвоздика”, а также боевая машина РСЗО Т-122 Sakarya производства Турции (*Svodka Ministerstva oborony*, электронный ресурс).

Аналогичную структуру имеют отчеты украинского генштаба:

Протягом доби авіація Сил оборони завдала 8 ударів по районах зосередження особового складу, озброєння та військової техніки ворога.

Підрозділами ракетних військ уражено 2 артилерійських засоби, 1 склад боєприпасів, 1 пункт управління та 1 зенітно-ракетний комплекс противника (*Operatyvna informaciâ stanot na 18.00*, электронный ресурс).

Кроме представления погибших солдат (своих и противника) в форме количественных данных, дегуманизирующий подход выражается в вышеуказанных текстах с помощью:

- использования деепричастий страдательного залога, к примеру, *поражена живая сила, уничтожено до 25 украинских военнослужащих*;
- сопоставления количества погибших солдат с количеством уничтоженного военного оборудования, например *поражена живая сила и техника, уничтожено до 25 украинских военнослужащих, три автомобиля, две артиллерийские системы*;
- замены потенциальных личных существительных эвфемизированными описательными конструкциями, то есть *живая сила, район зосередження особового складу*.

2. Приемы тонкой дегуманизации

Язык пропаганды, в том числе дегуманизирующей, может обладать высоким уровнем экспрессивности, иногда становясь даже вульгарным. Тогда, как правило, отрицание человечности представителей дегуманизированных групп происходит в открытой форме. Однако не все приемы, используемые в сфере дегуманизационного дискурса, носят эксплицитный характер. Существуют и менее явные механизмы, более сложные для идентификации на семантическом уровне текста. Кьяра Вольпато употребляет по отношению к ним понятие тонкой дегуманизации (*deumanizzazione sottile*) и объясняет, что их применение связано с неосознанным отрицанием причастности представителей какой-то группы к сообществу людей. Неосознанность, по мнению ученой, нередко делает данные приемы более обманчивыми и, следовательно, повышает эффективность их дегуманизирующего воздействия (Volpato 319). Выявление и изучение механизмов тонкой дегуманизации на

уровне отдельных текстов важно потому, что они чаще всего активизируются на раннем этапе отрицания представителей противоположной группы, когда только зарождаются негативные стереотипы (Citlak 2018: 11). Выделяемые Вольпато стратегии тонкой дегуманизации можно соотнести с понятием инфрагуманизации, заключающейся в приписывании противоположной группе особых ограничений в сфере эмоционального развития (Agadullina 8). В рамках инфрагуманизационного измерения дегуманизационного дискурса различаются первичные, врожденные, эмоциональные реакции и вторичные эмоции, которые развиваются на их почве в процессе социализации (Agadullina 7–8). Ко вторичным относятся такие чувства, как ностальгия, восхищение, смущение, угрызения совести. Процесс инфрагуманизации связан с присвоением членам противоположной группы критически заниженных способностей к испытыванию вторичных эмоций (Agadullina 8). Иными словами, при инфрагуманизации человечность представителей антагонистической группы не отрицается полностью, а ставятся под сомнение отдельные ее аспекты.

2.1. Культурно значимые ценностные ориентиры в сфере поведения: отношение к религии

На наш взгляд, к стратегиям инфрагуманизации следует отнести те примы, в которых задействованы элементы религиозного дискурса. В религиозном контексте по отношению к дегуманизированной группе используются обладающие высоким семантическим потенциалом слова, связанные с моральными категориями, – *зло, грех, нечисть*. Как отмечает Цитляк, члены противоположной группы представляются как морально ущербные, лишенные совести, не умеющие давать этическую оценку собственным действиям, программируемые на зло (Citlak 2018: 10). Следовательно, создается образ индивидов, неспособных к переживанию именно вторичных эмоций. В качестве наглядного примера можно привести высказывание Дмитрия Медведева относительно отказа Украины от предложенного российской стороной в начале 2023 года перемирия на период рождественских праздников. В своих соцсетях Дмитрий Медведев опубликовал пост:

Украинцам была протянута рука христианского милосердия на Великий Праздник. Их руководители её отвергли. Думаю, большинство наших военнослужащих, принимающих участие в „СВО“, спокойно выдохнуло, услышав отказ главных украинских клоунов прекращать огонь на Рождество. Меньше проблем и лукавства.

Людей, лишившихся возможности сходить в церковь, жалко. А вот свиньи не имеют никакой веры и врожденного чувства благодарности. Они понимают только грубую силу и визгливо требуют жратву от хозяев. На этом основана дрессура.

Даже малограмотная германская бабка Бербок и ряд других смотрящих по европейскому свинарунику успели вякнуть про недопустимость перемирия. Ну, наследники нацистов никогда не жалели ни людей, ни животных (Medvedev, электронный ресурс).

В данном тексте наблюдаются приемы анималистической дегуманизации (зооморфизации) образа врагов, эксплицитным выражением которой являются лексические стимулы: *свиньи*, *визгливо требовать*, *требовать жратву*, *требовать от хозяев*, *дрессура*, *европейский свинаруник*. Однако дискредитация образа противника одновременно происходит и в рамках парадигмы религиозного дискурса. В самом начале поста используется фразеологизм *рука христианского милосердия*, однозначно отождествляющий действия своей группы с проявлениями высших нравственных качеств и приверженностью к христианской вере. Затем постепенно вводятся слова и выражения, деконструирующие моральный образ противника: он *отвергает руку христианского милосердия*, его намерения получают ярлык *лукавства*. Кульминационным пунктом этого высказывания следует считать сравнение образа *людей*, которые *лишились возможности сходить в церковь*, со *свиньями*, которым не свойственны такие качества, как *вера* и *врожденное чувство благодарности*. Именно наблюдение за элементами религиозного дискурса позволяет понять, что основой для дегуманизации является в данном случае не отождествление с животными, имеющее, скорее, вторичный характер. Вместо этого дегуманизация осуществляется через отказ членам противоположной группы в способности испытывать сугубо человеческие религиозные чувства и потребности. То, что противник представляется в образе *свиньи*, можно считать лишь последствием его первичной нравственной ущербности. В данном контексте четко прослеживается и эссенциальное восприятие категории религиозности, получившее свое материальное воплощение на текстовом уровне в виде словосочетания *врожденное чувство*. Иначе говоря, если приемы анималистической дегуманизации в данном высказывании находятся на поверхности, что позволяет их легко идентифицировать, то элементы религиозного дискурса приобретают менее эксплицитную форму и оказывают воздействие на эмоции более высокого уровня (ср. *желание получить жратву* и *желание сходить в церковь*). Введение религиозного контекста следует здесь, на наш взгляд, рассматривать именно в ключе инфрагуманизации, позволяющей оправдать окончательно анималистическую дегуманизацию.

2.2. Дегуманизация через незамечание

Последним из приемов дегуманизации, рассмотренных в данной статье, является т. н. дегуманизация через незамечание. Она проявляется в тех элементах дегуманизационного дискурса, которые нацелены на сознательное

игнорирование противоположной группы или ее пренебрежение в важных для нее ситуациях (Volpato 316). В контексте военного дискурса вокруг конфликта в Украине эта стратегия связана с формированием образа граждан противоположной стороны как однородной массы, лишенной способности самостоятельно думать и принимать решения, а также не умеющей или не желающей оказать давление на политические силы в стране и вслепую подчиняющейся их манипуляциям. При этом в рамках российского дискурса украинцы представляются как наивные, инфантильные, беспомощные, „поверившие Западу”; в украинском дискурсивном пространстве россияне функционируют как люди неграмотные, морально опустившиеся, неспособные к самостоятельному мышлению. К примерам дегуманизации через замечание можно отнести высказывание депутата Госдумы РФ Андрея Гурулева, который во время прямого эфира на канале Telegram, отвечая на вопрос зрителя (прочитанный вслух ведущим Владимиром Золкиным) о возможных последствиях растущей в обществе ненависти к украинцам, сказал: „Я не думаю, что у нас есть какая-то ненависть к украинцам или вообще к самой Украине. Ведь дело-то вообще не в хохлах” (Zolkin, электронный ресурс). Здесь, так же как в случае приведенного ранее высказывания Дмитрия Медведева, наблюдается сопоставление двух образов. Положительный образ своей группы создается с помощью утверждений о том, что она не испытывает чувство ненависти. Одновременно происходит уменьшение значимости представителей противоположной стороны, для чего используется модель фразеологизма *дело не в чем-то*, в который вставляется усиливающее пренебрежительное отношение к украинцам экспрессивное наименование *хохлы*.

Выводы

Рассмотренный нами языковой материал позволяет сделать несколько выводов относительно основных характеристик дегуманизационного дискурса в языковом измерении вооруженного конфликта в Украине. Прежде всего следует отметить, что в рамках данного дискурса активно применяются приемы как эксплицитной, так и тонкой дегуманизации. При этом, независимо от применяемой дегуманизирующей стратегии, во всех приведенных нами высказываниях ретранслируются и закрепляются ярлыки, принимающие форму определенных слов-ключей. Их употребление повышает эмоциональный потенциал высказываний, активизируя в сознании других участников или наблюдателей дискурса конкретные стереотипы. В проанализированных текстах эти стереотипы формируются вокруг анималистических и монструозных метафор (*свиньи, свинособаки, орки*), а также на

основе политических ассоциаций (*украпы, украфашисты, бандеры, рашисты*). В рамках дегуманизационного дискурса, как в его эксплицитных, так и в тонких воплощениях, противоположной группе приписываются убеждения и поступки, которые отрицательно оцениваются с моральной точки зрения. Семантико-смысловым ядром высказываний, использующих данную стратегию, являются аспекты пищевого и сексуального поведения, а также отношение к религиозным практикам. Языковая экземплификация мотивов безнравственного поведения способствует закреплению и усилению отрицательных стереотипов. Она стимулирует участников дискурса к представлению членов противоположной группы как субъектов, осознанно принимающих позицию, не соотносимую с принадлежностью к человеческому виду (ср. с категорией *эссенции*).

Приведенные высказывания показали также тенденцию к распространению дегуманизационного дискурса публичными личностями. Как было сказано выше, в ситуации, когда под высказыванием подписывается своим именем и фамилией человек с определенным авторитетом, оно приобретает особую значимость, и круг его потенциальных получателей значительно расширяется. При этом элементы дегуманизационного дискурса, прослеживаемые в публичных заявлениях авторитетных политиков, способствуют легитимизации языка вражды. Данную характеристику дегуманизационного дискурса в языковом пространстве вооруженного конфликта в Украине следует рассматривать как особенно важную, поскольку дегуманизация жертв, как правило, предшествует направлению в их сторону физической и/или институциональной агрессии (Citlak 2015: 20).

Дегуманизационный дискурс способствует снижению моральных ограничений и формированию психологических условий для осуществления поступков, в которых большинство людей выходят за рамки признаваемых ими систем ценностей и даже не осознают этого. К таким действиям относятся акты агрессии со стороны полиции в ходе допросов, а также проявления насилия среди детей и подростков в учебных заведениях (Citlak 2015: 20). Вероятность агрессивного поведения возрастает в экстремальных условиях, а в них оказываются участники вооруженного конфликта – как военнослужащие, волонтеры, активисты, жители прифронтовых территорий, так и простые граждане воюющих стран.

Распространение дегуманизационного дискурса влияет не только на умственно-психические состояния и абстрактные убеждения. Оно способствует выработке психологических механизмов, которые лишают человека возможности осознанного принятия решений относительно своего поведения. Как доказала нейронаука, дегуманизация связана с активацией определенных областей человеческого мозга и изменениями в их биохимическом

состоянии. В результате продолжительного воздействия дегуманизационного дискурса реципиенты постепенно теряют способность воспринимать представителей противоположной группы как полноценных людей. Именно поэтому в настоящее время одной из важных задач и вызовов, стоящих перед филологами-русистами, является обнаружение и систематизация элементов дегуманизационного дискурса.

Библиография

- Agadullina, Elena. „Degumanizaciã: podhody k ocenke neprãmyh predubeždenij”. *Social'naã psihologiã i obšestvo*, 12 (2), 2021, s. 5–22.
- Bandura, Albert. „Selective moral disengagement in the exercise of moral agency”. *Journal of Moral Education*, 31 (2), 2002, s. 101–119. Web. 02.09.2023. <https://doi.org/10.1080/0305724022014322>.
- Bauman, Zygmunt. *Nowoczesnošç i zagłada*. Przeł. Franciszek Jaszuński. Warszawa, Fundacja Kulturalna Masada, 1992.
- Brennen, Scott, Daniel Kreiss. „Digitalization and digitization”. *Culture Digitally*. Web. 11.05.2024. <https://culturedigitally.org/2014/09/digitalization-and-digitization/>.
- Citlak, Amadeusz. „Dehumanizacja – zaburzenie i patologia czy permanentny stan ludzkiego umysłu? Spojrzenie z perspektywy psychologii poznania społecznego”. *Acta Universitatis Wratislaviensis. Studia nad autorytaryzmem i totalitaryzmem*, 37 (1), 2015, s. 13–34.
- Citlak, Amadeusz. „Psychologiczne i językowe uprzedmiotowienie obcych (stereotypizacja i dehumanizacja wrogów)”. *Acta Universitatis Wratislaviensis. Studia nad autorytaryzmem i totalitaryzmem*, 40 (4), 2018, s. 7–30.
- Gusejnov, Gasan. „Ob odnom nevol'nom èksperimente v russkoj političeskoj ritorike XXI veka”. *Neprikosnovenyj zapas*, 4, 2020, s. 109–129. Web. 02.09.2023. https://www.academia.edu/44820867/Ob_odnom_nevol'nom_eksperimente_v_russkoj_politiceskoj_ritorike_XXI_veka.
- Ismanov, Almaz et al. *Ot àzyka vraždy k nenasil'stvennoj kommunikacii*. Biškek, Prevention media, Associaciã komunikatorov pri podderžke PROON, 2023.
- Leyens, Jacques-Philippe et al. „Psychological essentialism and the differential attribution of uniquely human emotions to ingroups and outgroups”. *European Journal of Social Psychology*, 31, 2001, s. 395–411.
- Radčenko, Dar'ã. „«Žarenyj ukrop» s «krov'û mladencev»: piševye kody rossijsko-ukrainskogo konflikta”. *Antropologičeskij forum*, 31, 2016, s. 209–234.
- Ścigaj, Paweł. „Dehumanizacja i depolityzacja”. *Politeja*, 2 (77), 2022, s. 87–118.
- Volpato, Chiara. *Negare l'altro*. „La deumanizzazione e le sue forme”. *Psicoterapia e scienze umane*, XLVII, 2013, s. 311–328. Web. 02.09.2023. <http://www.researchgate.net/publication/269677889>.
- Wagner, Wolfgang, Peter Holtz, Yoshihisa Kashima. „Construction and deconstruction of essence in representing social groups: Identity projects, stereotyping, and racism”. *Journal for the Theory of Social Behavior*, 39 (3), 2009, s. 363–383.
- Watz, Adam. *The power of human. How our shared humanity can help us create a better world*. New York, London, W.W. Norton & Company, 2019.

Источники

- Èks-prezident Porošenko opublikoval video s kuvaldoj v rukah.* Web. 02.09.2023. <https://ctrana.media/news/431062-novosti-ukrainy-onlajn-13-aprelja-2023-.html>.
- Medvedev, Dmitrij. *Ukraincam byla protânuta ruka hristianskogo miloserdiâ na Velikij Prazdnik.* 06.01.2023. Web. 02.09.2023. https://t.me/s/medvedev_telegram.
- Operativna informaciâ stanom na 18.00 12.09.2023 šodo rosijs'koho vtorhnennâ.* Web. 13.09.2023. <https://www.kmu.gov.ua/news/operativna-informatsiia-heneralnoho-shtabu-zbroinykh-syl-ukrainy-stanom-na-1800-12092023-shchodo-rosiiskoho-vtorhnennia>.
- Sidorčik, Andrej. *Poslednee tabu. Kak na Ukraine prevrašaût russskih v „edu”.* Web. 02.09.2023. https://aif.ru/politics/world/poslednee_tabu_kak_na_ukraine_prevrashchayut_russskih_v_edu.
- Svodka Ministerstva oborony Rossijskoj Federacii o hode provedeniâ special'noj voennoj operacii (po sostoâniû na 12 sentâbrâ 2023 g.).* Web. 13.09.2023. https://z.mil.ru/spec_mil_oper/brief/briefings/more.htm?id=12478731@egNews.
- U Antonovskogo mosta pod Hersonom idet „mošnaâ boevaâ rabota” – Sily oborony ũga.* Web. 02.09.2023. <https://ctrana.media/news/438678-v-ukraine-prokomentirovali-boi-antonovskoho-mosta-pod-khersonom.html>.
- Ukrainskie bary stali ubirat' iz menû aperol'.* Web. 02.09.2023. <https://meduza.io/feature/2023/08/29/ukrainskie-bary-stali-ubirat-iz-menyu-aperol>.
- V RF na artista Semena Slepakova prosât zavesti delo „za diskreditaciû armii” iz-za pesni v internet.* Web. 02.09.2023. <https://ctrana.media/news/423073-na-slepakova-v-rossii-prosjat-zavesti-uholovnoe-delo-za-diskreditatsiju-armii.html>.
- Zolkin, Volodymyr. *Deputat gosdumy RF Gurulev.* Web. 02.09.2023. https://t.me/vladimir_zolkin/6386 (дата размещения на канале Telegram: 25.07.2023).

